

Кавказская война в современных дискуссиях и интерпретациях

Аслан Боров

The Caucasian War in ongoing discussions and interpretations
Aslan Borov (Kabardino-Balkarian State University, Russia)

Взрыв общественного, публицистического и научного интереса к Кавказской войне в 1990-е гг. сопровождался политизацией подходов и выдвиганием конфликтных интерпретаций основных её проблем. В.В. Черноус вполне обоснованно отмечал в 2003 г., что среди исследователей «дискуссионными остаются практически все основные аспекты Кавказской войны: сама дефиниция; хронология; причины и характер борьбы; социально-политические процессы у народов Северного Кавказа; становление российской администрации и правовой системы в ходе Кавказской войны; мухаджирство и др.»¹. И в середине 2010-х гг. она остаётся «одной из самых болезненных и остродискуссионных проблем кавказоведения»². Часто утверждается даже, что и ныне продолжается «Кавказская война историографий», отражающих представления трёх сторон, изначально вовлечённых в конфликт, — «имперской», «горской» и «западной»³. Но в действительности разнообразие подходов, наблюдаемое в современной российской исторической науке, является едва ли не беспрецедентным. Не случайно, в отличие от XIX — начала XX в. или советского времени, среди новейших исследований, посвящённых проблемам «Кавказской войны» и «народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа», заметное место занимают аналитические и дискуссионные работы историографического характера⁴.

© 2016 г. А.Х. Боров

¹ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 58.

² Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 90.

³ Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 69–88.

⁴ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 234–284; Олейников Д.И. Указ. соч.; Латин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; он же. Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 179–184; Черноус В.В. Указ. соч.; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006; Патракова В.Ф. Проблемы истории Кавказской войны XIX века в зеркале современных подходов // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2007. С. 78–87; Максимчик А.Н. Poleмика вокруг присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии // Российские и славянские исследования: Сборник научных статей. Вып. 5. Минск, 2010. С. 253–261; Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Материалы международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2013. С. 94–102; Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 3–14.

В основе нынешних дискуссий лежат, как правило, различные подходы к общей интерпретации Кавказской войны. Между тем всё чаще ощущается потребность интегрировать накопленный материал в рамках сложной, но внутренне последовательной концепции, что требует, помимо прочего, и методологической рефлексии. Следует избегать искушения отделить «ценные факты» от «ошибочных концепций», отражающих «устаревшее» видение войны её участниками, современниками, историками, писавшими о ней с различных идейно-политических и методологических позиций. Все эти суждения являются важнейшими «фактами» осмысления прошлого.

На протяжении XIX и в начале XX в. российская (имперская) и западная (геополитическая) школы предлагали сравнительно простые и вполне симметричные трактовки, событийное, фактологическое наполнение которых почти не вызывало споров. Так, известный английский исследователь Дж. Бэддли в полном созвучии с российскими авторами писал о том, что после присоединения Грузии, возбуждённого враждебность к России со стороны Турции и Персии, существование поблизости независимых мусульманских племён представляло опасность, с которой не стало бы мириться ни одно государство. Соответственно, подчинение горцев оказалось для России абсолютной необходимостью и было, в конечном счёте, неизбежным. Но история героической борьбы горцев, по мнению Бэддли, не могла не вызвать симпатии у английских читателей. Ведь горцы, борясь за себя, за свою веру, свободу и страну, сами того не зная, отстаивали и безопасность английского правления в Индии⁵. В литературе тех лет подробно освещались самые разные аспекты пёстрой картины многообразных отношений, сопровождавших завоевание Кавказа. Но при этом зачастую не учитывалась сложность самой задачи, стоящей перед исследователями Кавказской войны.

Ещё более упрощала историческую реальность утвердившаяся (или утверждённая) в советской историографии на рубеже 1940–1950-х гг. концепция инспирированного из-за рубежа и сугубо «реакционного» движения горцев под руководством Шамиля. В 1960–1970-х гг. сюжеты, связанные с Кавказской войной, стусёвывались и «растворялись» при широком освещении процесса «добровольных вхождений» народов Северного Кавказа в состав России. Вместе с тем марксистская историография, рождавшаяся как антитеза «дореволюционной», на протяжении всего своего существования сохраняла внутренний дуализм идеологии и метода. Это вынуждало советских историков искать сложные концептуальные решения, так или иначе коррелировавшие со сложностью рассматриваемого предмета. Прежде всего, народы и общества Северного Кавказа должны были описываться в качестве самостоятельных субъектов исторического процесса, следующих тем же формационным путём, что и их могущественные соседи, противники и союзники. Возможная констатация «отсталости» и сравнительно «низкого уровня» развития компенсировалась общей высокой оценкой роли народных масс и трудящихся классов в истории, представлениями об их способности выступать «союзниками» более «передовых» социальных сил и «догонять» их.

Воплощением данной «парадигмы» стали «предварительные замечания» Н.И. Покровского, сформулировавшего собственную концепцию взаимосвязи экспансии царизма и освободительной борьбы горцев. Она учитывала и мотивы продвижения России на Кавказ (как военные, так и экономические), и «характер присоединения горцев к России», которое «совершалось преимущественно насильственным путём», и «значение включения кавказских народов в российскую экономику», и «культурные взаимоотношения и взаимные

⁵ *Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908. P. XXXVIII, 21–22.*

влияния Кавказа и России». «Историк, — утверждал Покровский, — исследующий сложные отношения описываемого периода, должен помнить об обеих сторонах факта, об объективной прогрессивности его в той же мере, как и о реакционности колонизаторских методов»⁶. К концу 1950-х гг. была выработана сложная формула оценки характера и значения Кавказской войны, с одной стороны, осуждавшая колониальный гнёт царизма, а с другой — признававшая прогрессивность присоединения Северного Кавказа к России. Она позволяла говорить и об антифеодальной и антиколониальной (антицаристской) сущности, и о реакционных чертах мюридизма, отвергать его агентурное происхождение, не игнорируя влияние внешнеполитических факторов, и проч.⁷

В первой половине 1980-х гг. М.М. Блиев предложил рассматривать Кавказскую войну как процесс перехода однотипных общественных структур Северного Кавказа от патриархально-родовых отношений к раннефеодальным, классовым. Если бы эта концепция строилась как интерпретация одного из аспектов или факторов, объясняющих генезис и ход Кавказской войны, то её воздействие на развитие историографии могло бы оказаться весьма плодотворным. Но, доведённая до логического предела, она фактически сводится её сторонниками к редукционистскому выделению одной единственной «внутренней» социальной сущности сложного исторического явления, природу которого вряд ли возможно понять без учёта его политической составляющей и международного контекста.

На рубеже 1980–1990-х гг. постановка исследовательских задач всё чаще и сильнее увязывалась с идеями национального возрождения и восстановления исторической памяти народов. При этом местные интеллектуальные круги различных регионов Кавказа стали гораздо более существенно влиять на определение общественной и научной актуальности тех или иных сюжетов. В результате идеология «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России вытеснялась идеологией завоевания и колониального порабощения. А стремление участников дискуссии утвердить однозначную трактовку природы войны неизбежно приводило к упрощению подходов и выводов, поскольку представители каждой из историографических традиций, как правило, уделяют особое внимание лишь одной, наиболее важной для них и их видения прошлого, стороне неоднородных и неоднотипных процессов, протекавших в XIX в. Но можно ли и каким именно образом построить многомерную интерпретацию Кавказской войны, охватывающую основные её взаимодействующие и в то же время самостоятельные, несводимые друг к другу, составляющие? Можно ли непротиворечиво соединить представления о войне её участников и современных учёных?

Прежде всего для концептуального обобщения необходимо широкое определение самого предмета анализа, включающее геополитические цели и устремления Российской империи, культурно-цивилизационную дистанцию между Россией и народами Кавказа, сложившийся уклад горских обществ и его развитие. При этом важно не столько выстраивать иерархию данных аспектов и измерений на основе жёстких причинно-следственных связей, сколько учитывать их соотношение в контексте «мягких» функциональных зависимостей. Все они внесли свой «вклад» в генезис и характер протекания войны. Но ни один из них по отдельности не может считаться её основной «причиной» или исчерпывающим выражением её «сущности». Политика России и её продвижение на

⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2009. С. 190–191.

⁷ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века... С. 252.

юг создали саму возможность вооружённого столкновения с горцами Северного Кавказа, культурно-цивилизационные различия делали его весьма вероятным или даже неизбежным, а особенности социальной и потестарно-политической организации местных народов и обществ обусловили упорство, длительность и формы противоборства. Его «дискретность» и различные особенности собственно военных эпизодов во многом компенсируются постоянством геополитических факторов, интересов и целей. Не случайно Александр II заявил в 1864 г. в рескрипте вел. кн. Михаилу Николаевичу, что окончание Кавказской войны завершало «начатое полтора века назад дело покорения Западного Кавказа»⁸.

Современные исследователи признают, что Россия пришла на Кавказ, следуя неумолимой логике соперничества с Турцией, вызванного геополитическими реалиями XVI–XIX вв.⁹ Сразу после победы в войне 1828–1829 гг. Николай I поручил командующему русскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу начать другое, «столь же славное» и даже более важное дело – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁰. Таким образом, последовавший затем апогей Кавказской войны был обусловлен не только ростом набеговой активности и распространением воинствующего мюридизма среди горцев, но и стремлением Петербурга завершить реальное включение Кавказа в состав империи.

В то же время, как показали события конца XVIII – начала XIX в., достижение и закрепление стратегических позиций не обязательно предполагало применение силы. В ряде случаев народы и общества Северного Кавказа сами инициировали изменение своего статуса и включение в состав России. Иногда же они могли оставаться в неведении относительно международно-правовых актов, изменявших их положение. Для местных обществ изменения геополитического баланса приобретали жизненно важное значение, поскольку прямо затрагивали их «цивилизацию» – материальные основы существования, социальный порядок и представления о себе и мире.

При этом вооружённые конфликты чаще всего возникали не вследствие «колониальной» политики империи (её идеология, напротив, предусматривала административно-правовую интеграцию региона – Кавказ должен был стать не колонией, а неотъемлемой частью России), а потому, что для горцев появление нового мощного соседа означало постоянное давление, стесняющее или даже исключаящее воспроизводство традиционного уклада жизни¹¹. Кабардинские владельцы протестовали против возведения Моздока, поскольку отчуждение

⁸ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е годы XIX века): Сборник архивных документов / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 310–311. 12 мая 1997 г., подписывая «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия», в котором говорилось о желании сторон «прекратить многовековое противостояние», Б.Н. Ельцин заявил даже, что данный документ «ставит точку в войне и противостоянии 400-летней давности». См. также: *Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5.

⁹ Амбивалентная, но тесная и глубинная связь войн России с Персией и Турцией в первой трети XIX в. и социально-политических процессов в Закавказье и на Северном Кавказе убедительно раскрыта В.В. Дегоевым: *Дегоев В.В.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 2(34). М., 2005. С. 90–108; *он же.* Дипломатическая история кавказских войн первой трети XIX века: методология изучения проблемы // Там же. Т. 3(35). М., 2006. С. 10–31.

¹⁰ Цит. по: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 340.

¹¹ Подробнее см.: *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 373, 379.

угодий подрывало важные отрасли их хозяйства, а укрывательство и обращение в христианство беглых ломало систему социальных отношений. В 1811 г. в петиции, направленной императору, кабардинцы объясняли волнения предшествующих лет тем, что «здесь дела от Коллегии иностранных дел отошли и отданы в управление здешнего воинского начальства», которое «по своему только разумению» издавало новые правила, «отчего народ наш, яко необразованный, пришёл в страх и расстроился»¹².

К тому же для горцев, по словам Я.А. Гордина, «подчинение чьей-то посторонней, чуждой власти означало катастрофическое крушение всего миропорядка, потерю органичного мироощущения и самовосприятия». «Отсюда, — полагал он, — и уровень непримиримости»¹³. С другой стороны, представителей имперской администрации с «государственно-рациональным» типом мышления порою раздражали черты культуры, образ жизни, обычаи и нравы кавказских народов. Русское правительство, как пишет В.В. Дегоев, «спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики». «Но вместо решения проблемы оно получило Кавказскую войну», — констатирует историк¹⁴.

На Северном Кавказе не сложилось ни одного государства, признанного великими державами. Ни в одной из его частей не было элит, которые представляли бы более или менее крупные группы населения, а тем более имели бы возможность навязать им свою волю¹⁵. Соответственно и Россия не могла окончить войну каким-либо соглашением, «мирным договором», поскольку на местах некому было гарантировать его соблюдение. Разгром же одного из аулов или племенных ополчений мало что менял в общей обстановке.

Кристаллизация раннегосударственных структур стала одной из форм «ответа» северокавказских обществ на «вызов» войны. В условиях продвижения России в регион все они столкнулись с угрозой дестабилизации и разбалансирования внутриобщинных и межобщинных, внутривотчинных и межфеодальных связей и отношений. При этом в «довоенном» горском обществе независимо от степени зрелости его классовой структуры основным фактором социальной дифференциации была сила (личная, семейная, общинная и проч.), а её применение, т.е. насилие, являлось основным регулятором всей системы взаимодействия¹⁶. Военный быт и набеги в значительной степени определяли культурный облик и организацию как «аристократических», так и «демократических» обществ, составляя неотъемлемую и важную часть их жизни. Воинская доблесть и удачливость занимали видное место в иерархии ценностей и во многом определяли социальный статус индивидуума. В большинстве районов Кавказа война воспринималась как часть повседневности¹⁷.

Всё это затрудняет понимание исторического масштаба Кавказской войны. Её представляют то как основное, если не единственное содержание взаимоотношений России и народов Северного Кавказа, то как исчезающе малую вели-

¹² Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 70, 90–91.

¹³ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 69.

¹⁴ Дегоев В.В. Региональные угрозы глобальному порядку (Кавказ в международно-геополитической системе XVI–XX вв.) // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. С. 312.

¹⁵ King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford, 2008. P. 38.

¹⁶ Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 221–262.

¹⁷ Латин В.В. История Кавказской войны... С. 40.

чину, которой можно пренебречь при их изучении в широком контексте «социально-экономической, политической, административно-судебной, культурной и иной интеграции»¹⁸.

Рассматривая Кавказскую войну исключительно как совокупность вооружённых конфликтов империи с местными народами и обществами, профессиональные историки сталкиваются с трудностями уже при определении её хронологических границ как единого, целостного явления. Как правило, считается, что она завершилась в 1864 г. покорением Северо-Западного Кавказа, после чего весь край оказался в составе и под прямым административным контролем Российской империи. Но когда началась та война, которая окончилась в 1864 г.? В распоряжении историков нет какого-либо государственно-политического или международно-правового акта, который можно было бы уверенно считать формальной фиксацией её начала. В этих условиях весьма чётко проявляется зависимость конкретно-исторических интерпретаций исследовательского подхода от «точки зрения» интерпретатора. Так, имперская историография вела отсчёт Кавказской войны с 1801–1802 гг., когда присоединение Картли-Кахетинского царства потребовало для удержания Восточной Грузии скорейшего покорения всего Кавказа. Но чёткий план достижения поставленной в 1801 г. стратегической цели был выработан и стал более или менее последовательно осуществляться лишь с 1817–1818 гг. Вслед за этим возросла и военно-политическая самоорганизация горцев. Поэтому, как отмечает группа учёных, собственно война, «т.е. организованные боевые действия армий враждующих сторон», на Северном Кавказе шла только в 1810–1860-х и в 1990-х гг.¹⁹ Присоединение Кабарды, происходившее ещё до присоединения Восточной Грузии, обычно остаётся за рамками Кавказской войны. Между тем, с точки зрения современных адыгских историков, которую также необходимо учитывать, не подлежит сомнению, что Кавказская война началась именно в 1763 г., когда постройка крепости Моздок подтолкнула и процесс «аннексии» Кабарды, и вооружённое сопротивление местного населения²⁰. Особое значение строительства Моздока признавал и В.А. Потто, характеризовавший его как начало «великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие», хотя «при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа»²¹.

К XVIII в. начало Кавказской войны относят и некоторые исследователи военной истории России²². Так, по мнению В.В. Лапина, она продолжалась от Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. до подавления восстания в Чечне и Дагестане в 1877 г., а события XVI – начала XVIII в. следует считать её предысторией. Однако сам Лапин признаёт, что при такой датировке данный вооружённый конфликт оказывается лишён внутреннего единства и может

¹⁸ Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2007. С. 96.

¹⁹ Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 131.

²⁰ Кушхабиев А.В. Русско-кавказская война в истории адыгского народа // Исторический вестник: VII выпуск. Нальчик, 2008. С. 350–371; Бгажноков Б.Х. Моздок в истории Кавказской войны // Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик, 15–19 октября 2014 г.). Нальчик, 2014. С. 3–22.

²¹ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2. СПб., 1887. С. 52–53.

²² Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 30–32.

изучаться лишь при разделении на ряд довольно обособленных частей, «обобщающая» характеристика которых бесперспективна. Тем самым Кавказская война превращается, по сути, в собирательное понятие²³. Т.Х. Кумыков предлагал говорить не о Кавказской войне, а о «кавказских войнах» – русско-дагестанской в первой четверти XVIII в., русско-кабардинской 1763–1825 гг., русско-чечено-дагестанской 1829–1859 гг. и др. Против того, чтобы именовать Кавказской войной «все военные столкновения с Россией, когда бы они не происходили», возражал и известный дагестанский историк В.Г. Гаджиев. Каждое относящееся к ней событие он призывал обозначить отдельным названием²⁴.

М.М. Блиев, увязывая собственно военные события в регионе с закономерностями внутреннего развития горских обществ и фиксируя с начала XVIII в. резкую активизацию, новые масштабы и системность военно-набеговой практики в Чечне, Дагестане и у западных (горных) адыгов, также существенно расширял хронологические рамки «Кавказской войны», которая, согласно его концепции, охватывала все стороны жизни Большого Кавказа в XVIII – первой половине XIX в.²⁵ Интерпретация Кавказской войны как определённой стадии социокультурной эволюции горских обществ встретила среди специалистов благожелательную реакцию²⁶. Однако, как не раз отмечалось в отзывах на работы Блиева, наездничество и набеги, при всём их значении, всё же не играли ведущей роли в экономике края и не являлись важнейшей причиной Кавказской войны, многие события которой не поддаются объяснению с помощью схемы: отсталая экономика – набеги – ответные действия России²⁷.

В дискуссиях о Кавказской войне не всегда учитывается, что уже оформились различные «субрегиональные» подходы к её освещению и включению в национальную историю тех или иных народов. В Дагестане особое внимание уделяется фигуре Шамиля, который предстаёт руководителем и героем освободительной войны. Длительность и упорство его сопротивления воспринимаются почти как победа, даже несмотря на конечное поражение. В народной памяти подобное представление укреплялось благодаря устойчивости социальных традиций и идеологическому доминированию ислама. В результате в современной дагестанской историографии «объединение Дагестана с Россией» и «народно-освободительное движение под руководством Шамиля» рассматриваются как самостоятельные исторические процессы, общим итогом которых стали «обновлённая личность горца» и «вступление Дагестана в Новое время»²⁸. В Чечне под влиянием событий 1990-х гг. получило распространение представление о перманентное 400-летней войне с Россией, победа в которой осталась в конечном счёте за чеченским народом, фактически отвоевавшим этнический суверенитет на своей территории. Соответственно проблематика «завоевания–сопротивления» и «национально-освободительной

²³ Латин В.В. История Кавказской войны... С. 12–15.

²⁴ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы... С. 30–32, 6.

²⁵ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 85–96; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 17–18, 58–60, 128, 795.

²⁶ См., в частности, рецензию В.В. Трепавлова на книгу «Россия и горцы Большого Кавказа»: Вопросы истории. 2004. № 9. С. 162–164.

²⁷ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века... С. 263; Латин В.В. Новейшая историография... С. 179–184.

²⁸ Гамзатов Г.Г. Обновлённая личность горца и вступление Дагестана в Новое время как важнейшее следствие народно-освободительной войны // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы... С. 8–11.

борьбы» получила здесь более чёткое выражение, чем в Дагестане²⁹. Адыгскими (черкесскими) авторами опыт Кавказской войны переживался с позиций не победителя, а жертвы. Её происхождение, ход и последствия интерпретировались ими как следствие геополитических устремлений Российской империи, реализованных с помощью массового истребления, изгнания местного населения и приведших к нынешнему рассеянию адыгов, большая часть которых проживает за пределами своей родины.

В идеале «российские» и «северокавказские» подходы должны не опровергать, а дополнять друг друга. Однако Кавказская война занимала разное место в судьбах России, для которой Кавказ являлся всё же одной из окраин обширного государства, и горцев, оказавшихся в центре борьбы, выходявшей далеко за пределы их мира и потрясавшей его устои. Война действительно была формой социально-политической эволюции народов и обществ Северного Кавказа XVIII – первой половине XIX в. Традиционные черты их военного быта и широкая набеговая практика были её частью, но не исчерпывали её проявлений и, главное, не определяли её результат. Это была уже не рутинная «война всех против всех», происходившая в регионе в XVI–XVII вв. и включавшая набеги, столкновения соперничающих «центров силы», постоянные междоусобицы местных владельцев, регулярные, но кратковременные вторжения извне. В ходе Кавказской войны, ставшей поворотным рубежом в истории края, могущественная внешняя сила глубоко изменила его этносоциальный и политический облик.

На «довоенном» Северном Кавказе влияние власти на общество за пределами социально-правовой традиции было минимально, возможности осуществления «реформ» практически отсутствовали. В условиях войны местные общества шаг за шагом, с различной степенью глубины и устойчивости, создавали властные структуры, наделённые подобным преобразовательным потенциалом. А после её завершения на Северном Кавказе утвердилась независимая от населения и стоящая над ним власть, жёстко определяющая условия и административно-правовые формы общественной жизни во всех её проявлениях. Изменился сам механизм социально-культурного развития региона. При этом новые, «послевоенные» порядки и нормы накладывались на почву, в разной степени деформированную в период завоевания Кавказа. Чечня испытала лишь поверхностное воздействие социально-преобразующих мер имамата, а численность чеченцев даже возросла. Специалисты отмечают также значительную устойчивость общинных структур Дагестана, демографические потери не носили там катастрофического характера. Судьба адыгов сложилась иначе.

В целом, несмотря на трудности с определением хронологических, политических, социально-культурных границ Кавказской войны, её комплексная интерпретация представляется всё же желательной и возможной, хотя бы потому, что политические, культурно-цивилизационные и социальные факторы, определявшие ход боевых действий, распоряжения российских властей и повседневную жизнь местного населения, составляли в регионе часть единого исторического процесса и могут аналитически расчленяться лишь в интересах их изучения.

²⁹ История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. 1. Грозный, 2006. С. 430–573.